

Народная сказка №175 — эпизод 2

из 2

Приехал он в то царство; конь разбежался и перескочил чрез каменную стену; царевич поставил коня к столбу — к золочену кольцу, и набрал воды живыя и молодыя, и подумал умом: «Времени еще четверть часа нет, схожу-ка я к девице — посмотреть». И видит: спят двенадцать девиц, все как одна; царь-девицу по тому мог узнать — спит, пышет, будто с дубу лист бруснет. И удумал сменяться с нею именными перстнями: ее перстень к себе взял, а свой перстень ей отдал, и приходит к коню. Конь говорит человеческим языком: «Ой, Иван-царевич! Мне тебя не увезти; поди на росе выкатайся, самоцветное платье выхлопай». Сделал то Иван-царевич и сядил на своего доброго коня; конь разбежался, перескочил чрез городскую стену, да задней ногой за струну задел; струны запели, колокола загудели, караулы сбунтовались, что за муха в городе была?

По времени царь-девица пробуждается и своих караулов посылает: «Подите состижите!», а он впромеж приезжает к бабушке-задворенке. «Что, Иван-царевич, долго призамешкался?» Дает ему щетку, кремешок, площадку: «Станут тебя сстигать, ты брось щетку и проговори тройжды: стань, чаща, от земли до неба, чтобы конному проезда, пешему прохода и птице полета не было!» Караулы, наехав на чащу, взад воротились к кузнецу, топоров наковали, прискакали и хотели было эту чащу рассекать, смотрят — нет ничего. «Морочит, видно!» — и всё тут покинули. Стали опять сстигать; царевич кинул кремешок и проговорил тройжды: «Стань, гора кременная, от земли до неба, от востоку до западу!» Караулы, наехав на гору, взад воротились к кузнецу, молотов наковали, прискакали — нет ничего: «Морочит окаянный!» Тут и молоты пометали. В третий раз, когда стали сстигать, бросил он площадку и проговорил тройжды: «Расплывись, река огненная!» — и сделалась река, за кою караулы мост смостили.

В ту пору царевич далеко уехал. Не догнав за тою прометкою, караулы воротились назад; а Иван-царевич приехал к дубу на росстани: «Съездить мне-ка к братьям, живы они или нет?» Приезжает к Ирине мягкой перине, и встречает Ирина мягкая перина Ивана-царевича. «Куды, — говорит, — поехал? Куды тебя бог понес? Раздевайся, разболокайся, свое цветное платье на стол клади — хоть тысяча, хоть две будь, ничто твое не утерается!» Напоила-накормила, на пуховик спать повалила. «Ложись к стенке!» Он говорит: «Я не сплю у стенки, а сплю на крайчику». Нужно было ей самой у стенки лечь; царевич ее подхватил под середку и прошиб сквозь пол, и

улетела Ирина мягкая перина в погреб, а он опустил конец веревки, вытащил своего брата и сказал: «Волочите друг по дружке всех и отправляйтесь по домам!»

Сам садится на своего доброго коня; доехав до старого дубу, спускает коня в чистое поле кормиться и ложится спать. Приходит к нему старичок и говорит: «Ой, Иван-царевич, тебя убьют!» — «Врешь, старый; сгинь с глаз!» Старшие братья, идучи домой, согласились между собою и убили Ивана-царевича, живую и молодую воду отобрали; приходят к своему отцу и дали ему той воды живыя и молодыя. Он испил и стал лучше старины. Вот приходит старичок к Ивану-царевичу — только оставалась одна хребетная кость; садится он под хребетную кость, прилетел ворон клевать, он ворона захватил за ногу и сказал: «Черное воронье! К этой туше соберите косье; буде не соберете, то весь род ваш выведу».

Черное воронье заревело, стали со всех сторон косье снашивать; старичок стал складывать косточку к косточке, косье склал, дунул — стало тело, другожды дунул — зашевелился, троижды дунул — вскочил добрый молодой человек: «Ну, старичок! Как я призапался». — «Кабы да не я, ты бы все еще спал!» Очнулся царевич — что нагой, и говорит старичку: «Одень меня!» Старичок дунул — он и оделся. Приходит Иван-царевич в Ефимьянское царство, нанялся в царева кружале сороковки катать; рядил за работу себе два ведра в сутки вина зеленого, и живет так больно весело немало времени.

Царь-девица приходит под Ефимьянское царство на корабле, состроила мосты калиновые — на три грани испротесанные, по три гвоздя заколоченные; на концах были гульбища, по гульбищам были пташицы, пели-выпевали всякими словесами, разными голосами; поверх моста красным сукном устлано, И пишет она царю Ефимьяну: «Поддай виноватого человека!» Царь посылает своего сына Павла: «Подди с ответом». Он разулся и пошел босиком — надо сукна не замарать; идет под гору. У царь-девицы было два сына — от Ивана-царевича народились; говорят они: «Вот тот царевич идет, что живую воду взял!» — «Нет, не тот! Накормите его морскою кашею: не виноват — дак не ходи!» Взяли его о корабль хлопонули; Павел-царевич едва с корабля ушел. Вторично пишет к царю Ефимьяну: «Поддай виноватого человека!» Царь Ефимьян посылает другого сына, Федора; этот, пойдя, черевички с ног снял. «Надоть, — говорит, — красного сукна не замарать!» Завидя его, царь-девица тот же приказ отдала: накормить морскою кашею. «Не виноват — дак не ходи!» Едва с корабля живой ушел.

И грозно в-третьяжды пишет царю Ефимьяну: «Царь Ефимьян! Поддай виноватого человека». Он не знает, кого послать, затужился и велел ярыжкам искать везде виноватого; а Иван-царевич, гуляя на кружале, говорит: «Видно, моя вина, нужна и моя голова! Пойдемте со мною, все пропойцы! Еще вас

угощу и потешу. Во имя мое сукна рвите, пташиц берите и мосты ломите!» От того под горою гам сделался; у царь-девицы дети уstraшилися и сказали ей, что неприятель подступает. А она в ответ: «Какой неприятель! То идет ваш тятка, у него такая ухватка!» Иван-царевич пришел на корабль, с царь-девицею обнялся, в уста поцеловался; она корабль от берегу отвалила и пошла в дивье царство, вышла за него там замуж, и стали они жить да быть, и теперь живут, хлеб жуют.